

ФАКЕЛОНОСЦЫ

Язычествует молвь на косогоре
реки, несущей воды в никуда,
пока неопишное море
расхристанные топит города.
От копоти пространство почернело.
Чтоб неповадно было вдругорядь –
соборный свет гримасой печенег
накрыло и велело догорать.
И во главе подавленного гула
смерть голосит, что всем она сестра:
автофекальный томос истанбула,
канун перераспятия Христа.

На берегу три идола могли ведь
ещё надежду побересть в тепле,
слепые очи девственница Лыбедь
дарует зрячей сумрачной толпе,
и на устах, что вымазаны кровью –

чужой молитвы бессловесный рык:
в пути от православья к празднословью
отвергнут христианнейший язык.
Они идут, свергая храм за храмом
и капища надстраивая ввысь,
где их отцы под прапором багряным
всё предали, что защищать клялись.

Страшна дорога к храму и горбата
растоптанная толпами тропа.
Но тягостный бесплотный гром набата
с востока слышат в Лавре черепа,
он нарастает, встречный вал смертельный
и, сам уже не властвуя собой,
в тела, как нож, вонзает крест нательный –
и демоны за ним идут гурьбой,
и Саркофаг пронизывает трепет,
и птицы молча рвутся в вышину,
и снова – и уже навеки! – Припять
берёт в себя днепровскую волну.

МОЛИТВА НА МОГИЛЕ БОГОМАТЕРИ В СЕЛЬЧУКЕ

Всё, Мария, я сделал, как научили:
свечку зажёл и поставил – и попросил о прощенье,
встал на колени на коврик потёртый.
Глаза остыли:
слёзы слотнул – без них всё равно плачевней.
Всё, Пречистая, сделал я, как подсказали:
руки омыл и лицо из Твоего колодца.
Правда, вода была воплощена в металле:
нажмёшь на кнопку – и благодать прольётся.
Не было мне знаменья, Богородица Пресвятая,
ничто не открылось душе, что было сокровенно.
Птаха в мандариновой роще что-то мне просвистала

на влажных Твоих серпантинах под колёсами ситроена.
Всё, Богоматерь, я сделал: и крестик купил у турка,
правда, к нему прибавил ятаган двуострый –
эфес у него эфесский, на таможе придётся туго,
но таможня и горняя сфера – родные сёстры.
Всё я сделал, Марьям-Ана, в этот вечер,
хадж свой, убогий духом, у могилы Твоей завершая,
и если на зов ответить мне больше нечем,
то, значит, дошёл и я до предела, до края.
Я всё это вижу – и спокоен при этом,
пофигу мне, что будет со мной и страную.
Что ж так больно мне, будто Тебя я предал?
Холодно, грустно, стыдно – но не пред Тобой одною.
Матерям, чьи могилы разбросаны по вселенной,
трудней, чем их детям, чьи могилы они потеряли.
Турецко-греческий ветер, непримиримо солёный,
воплощается молча в ветхом мемориале,
но сирота всё ищет отца – и Отца обретает,
и ноша мира, взваленная на хрупкие плечи,
как эти масличные листья, не облетает,
вечнозелёная.
Но матерям – не легче.